

КЪ ИСТОРИИ ЧЕРЕМШАНСКИХЪ СКИТОВЪ.

Съ прошлаго года, въ сердцѣ Русскаго народа, Москвѣ, издается на средства милліонеровъ Рябушинскихъ старообрядческій журналъ „Церковь“, имѣя цѣлью съ одной стороны—объединеніе глаголемыхъ старообрядцевъ „во едино“, а съ другой—противоборство Православію. Въ журналѣ отведено мѣсто и „историческому отдѣлу“, гдѣ время отъ времени помѣщаются статьи и изслѣдованія о прошломъ старообрядчества, нечуждыя однако нѣкоторой преднамѣренности. Напримѣръ за прошлый годъ въ этомъ изданіи были помѣщены въ № 1 замѣтки „о каменномъ образкѣ Св. Николая въ Свіяжскомъ монастырѣ“, въ № 25 объ озерѣ Свѣтлоярѣ въ Нижегородской губерніи, составленныя по даннымъ, далекимъ отъ дѣйствительности и устарѣвшимъ, хотя объ этихъ двухъ замѣчательныхъ археологическихъ памятникахъ есть позднѣйшія и болѣе точныя извѣстія, даже въ нашихъ сочиненіяхъ: „Свіяжскъ и его церкви“ (Казан. Телегр. за 1896 г. № 1175 и 1183), и (Камско-Волж. Край 1898 г., № 433 и 434) „Свіяжскій Іоанно-Предтеч. дѣвичь монастырь (Казань, 1897 г., отд. изд.). „Святѣи Свіяжска“ („Рус. Паломникъ“ 1901 г., № 25 и 26) и наконецъ „Древняя Церковь въ Свіяжскѣ“ („Огонекъ“, 1901 г., № 20) и „На озерѣ Свѣтлоярѣ“ („Рус. Паломникъ“ 1898 г., № 26).

Въ № 5 „Церкви“ за сей годъ намъ пришлось опять натолкнуться на нѣчто подобное въ очеркѣ Б-ва, подъ названіемъ „На Черемшанѣ и у останковъ о. Серапіона“, гдѣ есть все, лишь мало исторической достовѣрности, хотя, казалось бы, старообрядческому журналу нужно было бы знать болѣе подробно и точно прошлое своего дѣла.

Старообрядчество еще сравнительно мало изслѣдовано, несмотря на многія весьма капитальныя сочиненія о немъ. Область эта все еще остается темной, замкнутой и загадочной, благодаря тому, что всякія попытки безпристрастныхъ изслѣдователей какъ прежде, такъ и теперь

находятъ преграду въ рутинномъ строѣ послѣдователей старообрядчества, оберегающихъ закулисную сторону своей бытовой и политической жизни и не допускающихъ въ нее постороннихъ зрителей. Теперь, когда пути суровой управы порваны и открыта свобода для совѣсти и вѣроученій, замкнутость старообрядцевъ должна бы, кажется, уступить мѣсто широкому простору открытій и изслѣдованій, дабы освѣтить во всей полноты ихъ задачи, завѣты и стремленія, отмѣтивъ на ряду съ темными и свѣтлыя черты. Къ сожалѣнью, пока мы этого не видимъ даже со стороны старообрядческой печати. А относительно вѣрованій и прошлаго по прежнему остается тоже замалчиваніе, какое было и въ трудныя години ихъ духовныхъ бѣдствій.

Въ статьѣ г. Б-ва особенно обращаютъ на себя вниманіе рассказы о нетлѣннй тѣла умершаго лѣтъ десять назадъ старообрядческаго архимандрита Серапіона, котораго авторъ попутно именуетъ основателемъ Черемшанскаго мужскаго, а мать Фелицату основательницей—женскаго монастырей, не указавъ однако времени основанія ихъ, и забывъ, видимо, упомянуть о другомъ Черемшанскомъ подвижникѣ о. Паисіѣ, могила котораго находится тамъ же. Между тѣмъ основателями Черемшанскихъ скитовъ, получившихъ въ позднѣйшее время названіе монастырей, были другія лица и при томъ, какъ ни странно, простые міряне, а не духовные иноки.

Въ виду этого, зная исторію Поволжскаго старообрядчества отъ Нижняго Новгорода до Астрахани, не какъ простой любитель только, а какъ потомокъ Самарскихъ старовѣровъ поповщинскаго толка, и не по однимъ лишь печатнымъ произведеніямъ, но и по неизвѣстнымъ еще архивнымъ документамъ,—я рѣшаюсь дать хоть краткія свѣдѣнія о прошломъ Черемшанскихъ скитовъ по только что добытымъ мною даннымъ изъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ учреждений Саратовской губерніи и по имѣвшимся у меня ранѣе записямъ изъ архива бывшей канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора, частію уже изданнымъ (въ „Историч. Вѣстникъ“ за 1894 г., № VI).

Какъ извѣстно, расадниками старообрядческихъ ученій въ Поволжѣ были скиты Керженскіе (въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи) и Иргизскіе (въ теперешнемъ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи). Послѣдніе были основаны въ 1762—1781 гг. выходцами изъ Польши и впослѣдствіи, сдѣлавшись монастырями, приобрѣли первенствующее значеніе во всей поповщинѣ. Съ упраздненіемъ Иргиза и обращеніемъ его обитателей въ единовѣрческіе монастыри, не пожелавшіе принять „благословенное священство“ старообрядческіе мнихи и инокини разсѣялись въ ближайшіе къ Иргизу города Саратовской губерніи Вольскъ и Хвалынскъ, гдѣ старая поповщина укрѣпилась

еще въ началѣ XVIII столѣтія, благодаря матеріальной поддержкѣ въ первомъ со стороны жены извѣстнаго именитаго гражданина Злобина, ея братьями Волковойновыми и семействомъ богачей Расторгуевыхъ, а въ послѣднемъ Кузьминыхъ и Хардиныхъ. Вскорѣ послѣ прибытія на Иргизъ (около 1771 г.) извѣстнаго инока Сергія (сына Московскаго купца Юршева), быстро вошедшаго въ дружескія сношенія съ самимъ Василиемъ Алексѣвичемъ Злобинымъ,—иноки Иргизскіе сшили для Злобиной походную полотняную церковь, которая сначала была поставлена въ землянкѣ, а затѣмъ, когда въ 1793 г. Иванъ Вавилинъ Расторгуевъ построилъ особую молельню, ее перенесли въ послѣднюю, гдѣ Иргизскіе попы изъ Нижне-воскресенскаго монастыря освятили ее. Позднѣе были построены еще старообрядческія церкви и молитвенные дома, какъ въ самомъ Вольскѣ, такъ и въ окрестныхъ селахъ Черкасскомъ, Горячкѣ и т. д. Однако, когда даже близъ люднаго и шумнаго Саратова, бокъ-о-бокъ съ недремлющимъ окомъ полицейскаго начальства, въ окрестныхъ лѣсныхъ ущельяхъ, еще до окончательнаго уничтоженія Иргизскихъ монастырей, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, возникли скиты Мирянинъ, Мечевъ, Баранниковъ,—въ г. Вольскѣ и его уѣздѣ они почему-то не привились. Можетъ быть, произошло это отъ того, что по близости не было укромныхъ, уединенныхъ мѣстъ, гдѣ можно было бы незамѣтно для посторонняго глаза скрывать свое пребываніе. Но больше надо думать потому, что не находилось для ихъ устройства предприимчивыхъ, энергичныхъ и твердыхъ въ своей вѣрѣ людей, тогда какъ на Черемшанѣ, въ 4 верстахъ отъ Хвалынска, далеко не отличавшагося стойкостью старообрядческихъ руководителей, скиты не переводились съ тридцатыхъ годовъ, не смотря на гоненія и притѣсненія властей, и на мѣсто уничтоженныхъ и запечатанных по требованію гражданскаго начальства, возникали новые, съ новыми подвижниками и вѣроучителями. Судя по запискамъ Леопольдова¹⁾, скиты на Черемшанѣ были и въ 1837 году.

Первое старообрядческое общежитіе въ Хвалынскѣ должно отнести къ 1814 году, когда была устроена тамъ поповщинская часовня. Въ 1836 г. при ней числился особый уставщикъ изъ удѣльныхъ крестьянъ Николаевскаго уѣзда Козьма Ивановъ, который жилъ съ семействомъ въ отдѣльномъ олигелѣ. Во дворѣ часовенномъ находились четыре кельи и сторожка, гдѣ проживали чтецы и пѣвцы съ женами и дѣтьми, всего 30 душъ. Хотя жили они на скитскомъ положеніи, но такое устройство еще нельзя было назвать скитомъ въ полномъ смыслѣ значенія этого слова. Соединеніе одинаково вѣрующихъ старообрядцевъ

¹⁾ Въ рукописномъ отдѣлѣ Саратов. Учен. Архив. Коммисіи, лист. 2.

въ особыя общины съ отрѣченіемъ ихъ отъ міра сего началось въ Хвалынскѣ нѣсколько позднѣе.

Основательницею скитскаго единенія должно признать купеческую дочь, дѣвицу Анну Кузьминишну Михайлову, имѣвшую на Черемшанѣ свой домъ и двѣ мельницы. Еще въ 1841 г. она вмѣстѣ съ сестрой своей Аграееной привлекалась къ уголовной отвѣтственности за проживаніе у нея безъ паспортовъ разнаго званія женщинъ и совращеніе въ расколъ крестьянъ г-жи Назаровой. Саратовская Палата Уголовнаго Суда, приговоромъ 10 Іюня 1856 г., за недостаточностью уликъ, однако освободила ее отъ наказанія. Но спустя лѣтъ шесть, 25 Марта 1863 г., при обыскѣ въ ея домѣ жандармскаго чиновника, были захвачены „извѣстный правительству злостный раскольникъ“ Аѳанасій Кузьмичъ Кочуевъ, отправленный потомъ 21 Мая въ Петербургъ, и восемь инокинь, переселившихся къ Михайловой съ Иргиза, послѣ уничтоженія въ 1841 г. послѣдняго женскаго Покровскаго монастыря. Наконецъ, 9 Февраля 1858 г., штабъ-офицеръ при Оренбургскомъ генераль-губернаторѣ Кузьминъ-Кораваевъ, розыскивавшій по высочайшему повелѣнію старообрядческаго епископа Аѳанасія, нашелъ въ особомъ мезонинѣ при домѣ Анны Кузьминишны церковь съ богатымъ иконостасомъ, архіерейскими и священническими облаченіями, необходимою утварью и книгами. Хотя при церкви особыхъ келій не было, тѣмъ не менѣе въ самомъ домѣ проживало нѣсколько черницъ и бѣлицъ, исполнявшихъ во время архіерейскаго богослуженія роль чтницъ и пѣснопѣвицъ.

Епископъ Аѳанасій, въ мірѣ Abramъ Абрамовичъ Тѣлицынъ, одно изъ вліятельныхъ лицъ среди Поволжскихъ старообрядцевъ, живя въ Хвалынскѣ, всегда скрывался у Анны Михайловой. По свѣдѣніямъ, добытымъ Кузьминымъ-Кораваевымъ, онъ ранѣе состоялъ казначеемъ Иргизскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Послѣ введенія тамъ единовѣрія, Тѣлицынъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ, получивъ отъ Буковинскаго митрополита Амвросія посвященіе, снова возвратился на Волгу и съ 1849 г. начинаетъ тайно епископствовать, а съ 1855 г. уже явно именуется себя архіереемъ. За это время онъ успѣваетъ посвятить въ попы: Бугурусланскаго купца Василія Михѣева, Николаевскаго мѣщанина Ивана Михайлова и крестьянина с. Погонки (Николаевскаго уѣзда) Петра Абросимова.

Хотя Анна Михайлова до конца жизни своей оставалась вѣрна Иргизской поповщинѣ и имѣла въ своихъ домахъ инокинь только этого толка, однако не отказывала въ покровительствѣ и широкомъ гостепріимствѣ и Бѣлокриницкому епископу, который устроилъ въ ея домѣ церковь и служилъ въ ней изрѣдка съ бѣглопоповщинскими священниками всенощныя и обѣдни. Но сама хозяйка посѣщала богослуженія Аѳанасія рѣдко.

Для отвода глазъ предъ властями, Абрамовъ занимался лѣсной торговлей и поэтому, съ паспортомъ отъ Хвалынскаго общества, часто разъѣзжалъ по другимъ городамъ Поволжья, въ Саратовъ, Симбирскъ, Нижній-Новгородъ; бывалъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ и сѣверномъ Уралѣ. Въ Симбирскѣ ему покровительствовалъ купецъ Бандышевъ, въ Самарѣ—Абазинъ, въ Николаевскѣ—извѣстный приверженецъ поповщины Михаилъ Трофимовичъ Мальцевъ.

Послѣ смерти въ 1863 г. Михайловой, покровительство своимъ единовѣрцамъ взяла на себя ея племянница Ѳекла Евдокимовна Толстикова (и по нынѣ здравствующая въ Хвалынскѣ). 5 Сентября 1865 г. въ одномъ домѣ ея были захвачены во время совершенія богослуженія въ богато устроенной церкви, въ священническомъ облаченіи, инокъ Серапіонъ Игнатъевъ, назвавшій себя выходцемъ изъ Турціи и іеромонахомъ, посвященнымъ въ этотъ санъ года два назадъ покойнымъ епископомъ Аванасіемъ, еще пять другихъ иноковъ и одинъ простолюдинъ. При церкви были устроены особыя келіи. На другой мельницѣ у той же Толстиковой проживало нѣсколько инокинъ, имѣвшихъ особую молитвенную комнату, гдѣ читали псалтирь, часы, четъ-минеи и т. д.

Хотя какъ иноки, такъ и инокини числились работниками и работницами въ саду Толстиковой, тѣмъ не менѣе въ ихъ общежитіи царилъ монастырскій порядокъ и было введено скитское подчиненіе.

Привлеченные къ отвѣтственности за якобы распространеніе раскола и явное совершеніе старообрядческаго служенія, Толстикова и монахи, постановленіемъ общаго собранія Сената 26 Апрѣля 1873 г., признаны невиновными, и имъ позволено было исполнять свое исповѣданіе по ихъ совѣсти. Монахи и монахини возвратились на свои прежнія пепелища и снова открыли скиты.

Такимъ образомъ, если признавать о. Серапіона основателемъ Черемшанскаго монастыря, то уже съ первыхъ дней его тамъ дѣятельности, т. е. съ 1865 г., считая съ того же времени и основаніе женской обители, положенное Ѳеклой Толстиковой. Но эти монастыри уже не придерживались Иргизской поповщины, а принадлежали Австрійскому согласію *).

П. Юдинъ.

Какъ напоминаетъ статья эта про мать Манефу, Потапа Максимовича и другихъ лицъ въ повѣствованіяхъ П. И. Мельникова! П. Б.

*) Г. Б.—въ своей замѣткѣ, со словъ Черемшанскихъ жителей, между прочимъ упоминаетъ и о гоненіяхъ со стороны мѣстныхъ властей. Объ этомъ дѣлѣ, требующемъ обстоятельныхъ свѣдѣній, мы коснемся въ другой статьѣ, на основаніи добытыхъ изъ судебного архива документовъ.